

Посмертные произведения

(РЕПУБЛИКАЦИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТИ РАССКАЗОВ
НА ОСНОВЕ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

10.53953/08696365_2022_175_3_255

Крым

Под вечер, за Харьковом, поезд неожиданно остановился в поле. Опустили окно в коридоре, облокотились, обнявшись, — все еще не привык к ее девичьему телу и, с волнением чувствуя его, спросил у проходившего под окном кондуктора, что случилось. Кондуктор не ответил. Прошло десять, пятнадцать минут — поезд все стоит. Тишина, опускающееся солнце... Хлеба, жаворонки.

Шепотом, с приятным страхом, блестя глазами:

— Милый, какое-нибудь несчастье...

И опять ожидание, тишина. Из всех других окон тоже глядят. Но вот какой-то шум вдали — ближе, ближе, слышнее... Совсем высунулись, ее щека и волосы касаются его лица, под натянувшейся блузкой явно обозначились груди, с жадной нежностью поцеловал ее в шею... А впереди уже грохот — и видно: жутко-торжественно несется встречный поезд — в два локомотива... Оглушив, сверкая синими вагонами в золотых орлах, пронесся и стало стихать, исчезать из глаз: императорский, из Крыма.

С облегчением вернулись в купе, поезд тронулся... Села к нему на колени. Целуя ее руку, спросил:

— Испугалась?

Детски уронила голову к нему на плечо, кокетливо:

— Испугалась...

Проснулись оба в утреннем полусвете купе. Вскочив, отдернул вишневую занавеску на окне, опустил стекло: поезд стоит на какой-то маленькой станции, стены вокзала увиты диким виноградом; за станцией небо светло, розовато, но солнца еще нет. Свежо. Высунулся — синяя стена под окнами вагона покрыта утренней росой².

Вышли в Бахчисарае. Утреннее солнце уже печет. С версту до города, в большой коляске, подымающей белую пыль. На козлах ушастый, широкоплечий, большой татарин.

Деревянная гостиница на главной улице.

Чай с бубликами.

— Ну, идем в Хан-Сарай.

— Во дворец?

1 Тексты И.А. Бунина публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate © 2021. Публикация подготовлена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-18-01410-П «Академический Бунин: Источниковедение, текстология, методология».

2 *Карандашом над словом утренней написано: пылью.*

- Да. Хан-Сарай значит ханский дворец.
— Как странно. По-русски сарай совсем не дворец.
За окнами пустого, тихого дворца светлая зелень шелковиц. Водоем без воды.
— Тут купались султанские жены. Это меня волнует. Вот по этому мраморному полу они ходили маленькими босыми, белыми ногами...
— Не смей думать о них!
— Не буду, не буду. Да, они, верно, босиком и не ходили. В деревянных сандалиях, я думаю. Хотя это тоже не плохо.
— Как тебе не стыдно говорить мне это!
— Да я же шучу. Лучше посмотри — вот он, знаменитый «фонтан слез»...³

Беспечно ожидая хана,
Вокруг игривого фонтана
На шелковых коврах оне
Толпою резвою сидели
И с детской радостью глядели,
Как рыба в ясной глубине
На мраморном ходила дне.
Нарочно к ней на дно иные
Роняли серьги золотые.
Кругом невольницы меж тем
Шербет носили ароматный,
И песнью звонкой и приятной
Вдруг огласили весь гарем⁴.

Мертвое Чуфут-Кале. Помпея.

Потом пещерный город в лесистых горах. Ездили туда верхами. Пустыня, тишина, — только переливчатое пение дроздов... Кости на вершине сопки, в пещере...

Белый, веселый, с светлой зеленью Севастополь. Завтрак в гостинице на мысу у моря. Бычки зеленки. Сон. Выехали перед вечером, наняв до Ялты парного извозчика под белым тентом.

Ночь в гостинице у Байдарских ворот. Ужин. Прогулка за воротами. Лунная, но неясная ночь, небо как бы в легком пару. Мертвая тишина, далеко, глубоко внизу шум моря, кипит у берегов серебро...

— И еще тысячи, тысячи лет все так же будет кипеть и шуметь... Зачем? Почему?

Остановились. Обнял, глядя ей в лицо в лунном свете.

— Ты меня любишь?

— Люблю и всю, всю жизнь буду любить! А ты?

— Мне особенно хочется побывать с тобой в Гурзуфе. Прежде, во времена Пушкина, лучше говорили: Юрзуф. Был я там еще в ранней молодости, ходил на Аю-Даг... Молодой, одинокий...

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы...

3 В ЧА карандашом на полях: Сюда стихи Пушкина *Надпись повторена в М-2.*

4 Цитата из «Бахчисарайского фонтана» в ЧА отсутствует. Восстановлена по М-1.

— Две строки — и целая дивная картина!

Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы...

— Что ни слово, то волшебство.

— Прочти все до конца. Я тоже ужасно люблю это.

Стал читать и побледнел, когда дошел до седьмой строфы⁵:

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя...

Одна из самых нежных и страстных ночей в этой маленькой дерев<енской> гостинице у Ворот.

На заре, как молодые петушки, кричали орлята. Бледность и свежесть утра в окно, закрытое только сквозными ставнями.

— Проснулась? Селям алейкум, радость моя! Это по-татарски — здравствуй значит. А ты должна сказать: Саубдул <так!>, то есть будь здоров. Или: Кошкильды! — добро пожаловать!

Она потянула его на себя, шепча:

— Кошкильды...

— Якшій, якшій!

— Погоди, я получше лягу... Что значит — якшій?

— Это значит — ладно... Ах, Боже мой! Поцелуй, поцелуй меня...

За чаем. Она, смеясь:

— Якшій! Ну скажи еще что-нибудь по-татарски.

— А еще я ничего не знаю. Знаю «чурék» — это лепешки из кукурузной муки. Еще чувяки...

— Ну, это и я знаю. Это мягкие туфли без каблучков.

— А пешкék? Вот и не знаешь. А это значит подарок. Еще знаю — гурдá.

— Что это — гурдá?

— Старинная, очень ценная шашка. Ля Иллях иль Алла! А по-арабски немного иначе: Ла Илла́ха илла-лла́! Это значит — нет Бога, кроме Бога. А теперь татары празднуют Байрам, самый большой мусульманский праздник. Как раз теперь, в начале сентября⁶.

— Ах, какой ты умный! Ну пойдй ко мне!

И вскочив на колени к нему, обвивает его шею руками и прижимается щекой к его щеке.

— Тебе хорошо со мной, радость моя?

Передохнув от счастья:

5 *На полях этого листа в ЧА записано:* Обрывы под монастырем св. Георгия (возле Севастополя). Могила Н.Я. Данилевского в его имении возле Байдар, в парке, в «Кипарисовой зале».

6 *На левых полях листа вписано:* А молятся они пять раз в день: при восходе солнца, в полдень, в три часа дня, после заката и при наступлении темноты. *На правых полях вписано:* Аллаху акбар. Áтаду анна́ Лаиллах иллалах; áтаду анна Мухаммед арасуллалах. Хейа аллас салах, хейа алалахаллах. Аллаху акбар. Лаилаха иллах. Бог велик. Исповедую, что нет Бога кроме Бога. И Магомет его пророк. Приступайте к молитве, пр<иступайте> к обряду. Бог велик. Нет Б<ога>, кр<оме> Б<ога>.

— Так хорошо, так хорошо! Ля Иллях... Нет никого, кроме тебя!

— И не будет?

— Нет, нет, никогда! А у тебя?

— Это я уже говорил тебе. «А в повторении нет пользы», как говорила Шахразада.

— Есть, есть, есть!

Муэзин был противный мальчишка красавчик. Совершенно девичье нежное лицо.

У старика татарина глубокие глазницы — как у старой лошади.

Невысок, кривоног, крепок, широкозад.

Куртка из грубой шерсти. Мотня шаровар, очень узких книзу — на голених и на щиколках. Шерст<янные> чулки, бабуши из цельной кожи.

Кумган — татарский глиняный кувшин, высокий, с узким горлом. Даже в самые жаркие дни вода в нем всегда холодная.

Неподвижная горячая жара, ослепительно белая глубокая пыль дороги, скрипучая мажара.

Жаркая, радостная, в горах молчаливая осень...

— А потом, друг мой, будет Москва, холодный дождь и крупа — сечет по верху пролетки, по прижатым ушам, по седелке бокастого, с обтрепанным хвостом извощичьего мерина-барабана.

Пароход был переполнен еще с Одессы. При входе в Ялгинскую бухту все стояли на палубе, облокотясь на поручни по левому борту, глядя на приближающийся<ся> уже темный полукруг гор над городком у их подножия, на огни набережной и кое-где выше. Зажгли и на пароходе огни — отличительные — и электричество в рубке, где стало сразу тепло и весело. Стекланные звонки паровозного телеграфа, «малый ход, малый!». Темные горы совсем обступили. Запах воды бухты и горящего кизяка — крымский, татарский.

По набережной крупной ровной рысью на парном извошике в белом. Просторная, покойная коляска. В набережную бухает мертвая зыбь, уже ночная, сонная, арбузный запах ее. Вечерний южный, теплый, уютный, приветливый вид открытых и освещенных магазинов, гуляющая толпа...

Гостиница «Франция» на набережной. Обед — отварная кефаль, белое «Абрау».

Свет высоких фонарей над набережной. За ней густая темь, черная смола воды.

<Вторая половина 1930-х — середина 1940-х гг.>

Источники текста: 1) ЧА с правкой чернилами того же цвета, отражающей работу над текстом в процессе написания, и более поздняя правка карандашом (РАЛ. MS 1066/149); 2) три экземпляра одной М-1, два из трех — с исправленными опечатками рукой В.Н. Буниной, третий экземпляр с утраченной последней страницей.

Машинописный текст учитывает оба слоя правки ЧА, но обрывается ранее, чем черновой автограф. В некоторых случаях (отдельные грамматические формы, детали повествования) текст Бунина перепечатан с ошибками — по-видимому, В.Н. Бунина не всегда разбирала ЧА (РАЛ. MS 1066/150—152); 3) М-2 с пронумерованными листами начиная с номера 1, с середины рассказа (выпущены полтора листа начала). Ряд исправлений, сделанных в ЧА карандашом, приведены в скобках. По-видимому, перепечатка выполнена В.Н. Буниной после смерти И.А. Бунина в процессе разбора архива (РАЛ. MS 1066/153).

Публикуется по черновому автографу в сопоставлении с машинописными копиями. Стихотворная цитата из поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан», отсутствующая в автографе, восстановлена по машинописи.

Датируется примерно по качеству бумаги, хорошему почерку и по отсутствию правки шариковой ручкой.

Опубликовано В.Н. Буниной (Новый журнал. 1959. № 57. С. 14—17) — без начала и без конца, со значительным количеством ошибок. Перепечатано в СССР в Т. 84 ЛН.

Au Secours!

Мелкий парижский дождь поздним вечером, тесная толпа под черными блестящими зонтиками возле входа в метро, в свете фонаря, пестром от дождя, за толпой резкий крик женщины, от кого-то отбивающейся:

— Non! Ne me quitte pas, Gaston! Je t'en supplie, Gaston! Je t'en supplie... Ah! Mais voyons, monsieur, vous êtes fou! Laissez-moi! Mais lâches-moi, voyons! Vous me faites mal, espèce de brute! Je vais manquer mon train! Allez-vous-en! C'est notre affaire, à nous! Je ne l'ai pas blessé! Vous n'avez pas le droit de me tirer comme ça, sale brutes que vous êtes! Mais non, mais non! Je suis forte, je suis très forte! Au secours-ours!⁷

Толпа стоит молча, неподвижно, лица спокойны, бесстрастны.

<Вторая половина апреля 1944 г.>

Источники текста: ЧА с правкой (РАЛ. MS 1066/85) и А без исправлений (РАЛ. MS 1066/86). Судя по отсутствию исправлений и по более лаконичному варианту текста (сокращения могли быть сделаны непосредственно при переписке чернового автографа) чистовой автограф более поздний вариант, подготовленный автором для последующей публикации.

Печатается по А (РАЛ. MS 1066/86).

Датируется с опорой на авторскую дату в ЧА: 18.4.44. Вероятно, А создан несколько позднее.

Опубликовано Ю.В. Мальцевым (Новый журнал. 1987. Кн. 168—169. С. 75) по ЧА.

7 Нет! Не оставляй меня, Гастон! Умоляю тебя, Гастон! Я тебя умоляю... А! Да что вы, месье, вы с ума сошли! Оставьте меня! Да отпустите же меня, ну! Вы мне делаете больно, грубиян! Я опоздаю на поезд! Убирайтесь! Это наше дело! Я его не била! Вы не имеете права тащить меня так, грязное животное! Ах, нет, нет! Я же сильная, я очень сильная! На помо-ощь! (*фр.*).

«Когда я впервые...»

Ходит по его большому кабинету в необычное время, в одиннадцатом часу темного петербургского утра, горячо говорит, слушая только себя, — тонкая кожа щек горит розовыми пятнами, продолговатое лицо очень похорошело:

— Когда я впервые...

Уже забыла, что хотела сказать только одно, — «просто и честно» признаться в своей любви к другому, — упивается теперь своей театральностью:

— Когда я полюбила тебя или вообразила, что люблю... Когда я, неопытная, не знающая жизни, доверчивая девочка, впервые взглянула в лицо действительности...

Внезапно вошла к нему в халате, после ванны, вся пахнувшая миндальным мылом, с красиво убранными блестящими волосами, и сама чувствует, что должен чувствовать он, глядя на движения ее высокого тела под мягкой фланелью, подпоясанной длинным шнуром, на то, как открываются от быстрой ходьбы ее длинные ноги в натянутых черных чулках.

— Я решила наконец просто и честно, как порядочная женщина, положить конец тому двусмысленному положению, которое образовалось между нами — лично для меня, по крайней мере...

Он, повернувшись в кресле возле письменного стола, уже одетый с утренней тщательностью для выезда в город, слушает идиотически, думает «положить, наконец, конец!» и делает вид, что очень занят стряхиванием в пепельницу пепла с папиросы. Бормочет фальшиво-дружески:

— Да, да, пожалуйста, говори все откровенно, напрямки... И поверь, что я сумею стать выше эгоистических соображений...

— Да, прежних чувств у меня к тебе нет! Да, ты убил их во мне!

— Чем, мой друг?

— Всем, всем!

— Например?

— Например! Когда я впервые поняла наконец, что все то духовное, чистое, на что я так страстно надеялась, вступая в жизнь...

Он сидит, опустив голову, пристально разглядывая свои размытые ногти, уже бледнея от злобы, и тихо говорит:

— Позволь тебе напомнить, что, «вступая в жизнь», ты имела уже двадцать восемь лет...

22.4.44

Источники текста: 1) ЧА-1 (РАЛ. MS 1066/138), набросок, наиболее ранний вариант; 2) ЧА-2 (РАЛ. MS 1066/139), учитывает правку, сделанную в ЧА-1; 3) ЧА-3 с полным текстом рассказа (РАЛ. MS 1066/137). Учитывает правку, сделанную в ЧА-1 и ЧА-2. В конце авторская дата: 22.4.44; 4) АМ, сделана на основе ЧА-3 (РАЛ. MS 1066/140).

Печатается по АМ.

Авторская датировка может быть принята — ввиду отсутствия правки химическим карандашом и шариковой ручкой.

Опубликовано Л.Ф. Зуровым (Новый журнал. 1961. Кн. 66. С. 6—7) по АМ с ошибкой: «напрямик» вместо «напрямки». Перепечатано в СССР в Т. 84 ЛН.

Мария Стюарт

Лето, город на Волге. Большие, разных цветов афиши. «Гастроли знаменитой артистки Марии Николаевны Карелиной в роли Марии Стюарт, при участии артисток: Лаврецкой-Черкасовой, Саблиной-Дольской, Строевой, артистов: Градова, Иртеньева, Тинского, Чаева...» В газете статья о Карелиной, ее портрет в роли Марии Стюарт: зубчатая корона, узорный, стоячий, выше ушей ворот, лицо неприступное, ледяное, гордое — таково, в ее представлении, должно быть лицо королевы. После спектакля, после «бурного успеха и бесконечных вызовов», она «отдыхает» в кругу поклонников, ужинает в садке на Волге. Все, почтительно и восхищенно обращаясь к ней, четко выговаривают ее имя-отчество:

— Мария Николаевна, рябиновки еще прикажете? Еще икры позволите? Чудный салат оливье — разрешите положить?

И она ест и салат оливье, и зернистую икру с горячим калачом, и «стерлядку» в красном соусе, и «азу по-татарски», и гурьевскую кашу, пьет и рябиновку, и перцовку, и белое вино, и красное, и шартрез, и кофе, курит папиросу за папиросой. И так чуть не каждую ночь, и хоть бы что. А у Градова, с которым она живет и который совершенно спокойно относится к богатым купчикам, имеющим ее в то в том, то в другом городе, тяжкая одышка, хриплый голос, пузыри под глазами, мужское бессилие, о котором он говорит меланхолически⁸:

— Стара стала, слаба стала. Да и не шутка, ангел мой, жизнь с такой донной стервозой, как Марья Николаевна⁹. Королева! Мария Стюарт! А эта Мария Стюарт задницу через ять пишет!

16.10.44

<1944, 1948>

Источники текста: 1) МАП-1 с правкой черными и зелеными чернилами. Одно исправление сделано синей шариковой ручкой. Под текстом дата чернилами, рукой Бунина: 16.10.44 исправлена на 16.10.48 (РАЛ. MS 1066/172); 2) МАП-2 с правкой черными чернилами, красной и синей шариковыми ручками (РАЛ. MS 1066/171). Машинописный текст идентичен машинописному тексту МАП-1, вероятно, вторая копия. Правка практически совпадает с МАП-1, кроме двух случаев: в МАП-2 вычеркнута одна строка и тем изменен финал, сделан более пристойным. Под текстом дата рукой Бунина: 16.10.44.

Печатается по МАП-2 (обильные исправления шариковой ручкой могут свидетельствовать о том, что этот вариант чуть более поздний).

Датировка: первоначальный вариант создан в 1944 г., окончательный вариант в 1948 г.

Опубликовано Ю.В. Мальцевым (Новый журнал. 1987. Кн. 168—169. С. 76—77) по МАП-2 с ошибками в прочтении окончательной редакции финала (соединены варианты двух источников).

8 мужское бессилие, о котором он говорит меланхолически, *вычеркнуто и восстановлено*.

9 *Далее следовало предложение: Тут ног лишисься, а не то что члена (МАП-1 и МАП-2, вычеркнуто). В первоначальной редакции оно замыкало рассказ.*

Ривьера

«Hôtel des Palmiers et de la Plage. Rendez-vous du high life français et étranger, situation unique, vue incomparable, séjour idéal d'hiver et d'été, 300 chambres, dernier confort moderne, cuisine réputée, grand parc, tennis, deux garages, ouvert toute l'année...»¹⁰

Огромное, пятиэтажное здание, похожее на все отели в мире, безобразно высится над сплошными садами, спускающимися по холмам к берегу моря, синяя равнина которого кажется лежащей за древесными вершинами на их уровне. В нижнем этаже здания все залы не в меру обширны, с колоннами под мрамор. Из просторного вестибюля можно пройти по террасе со столиками и плетеными креслами под оранжевыми зонтами в парк. Он занимает южную часть поместья, бывшего когда-то монастырским, и похож на старый пальмовый лес. Стара в нем и великолепная кипарисовая аллея, покато идущая от террасы к морю, к пляжу. Днем из окон и с балконов верхних этажей видны влево дымчато-сиреневые прибрежья Италии, ночью — розовые огни Бордигеры.

Август, отель полон.

Он кто-то при каком-то министерстве иностранных дел. Она ждет из Парижа мужа. Оба от чего-то отдыхают. Познакомились после обеда в холле, теперь вместе купаются перед завтраком, ездят в автокарах в Монте-Карло, в Тюрби, Сен-Поль, Ванс, на Антибский мыс, на Лоренские острова... В отеле завтракают и обедают порознь, каждый за своим столиком, но после обеда пьют кофе и слушают музыку опять вместе. Потом выходят в парк и к морю — «подышать перед сном воздухом».

Ему лет сорок пять, ей около сорока. Оба высоки и стройны. Он сух, с подстриженными усами, в пенсне без оправы, которое он, беря перед обедом меню, кончиками пальцев сжимает, чтобы снять. Удивительно приличен и недоступен. Удивительно тонконог в голених и щиколках, — это даже поражает, когда он, в смокинге, в бальных туфлях лодочкой с бантиком и в черных шелковых чулках, сидит после обеда в вестибюле, положила ногу на ногу, куря сигару и прихлебывая кофе. Она выходит к обеду, блистая чудесно сделанным цветом лица, голых рук и плечей, подведенными глазами, жемчужным ожерельем, перстнями на пальцах с острыми ногтями, гофрированными платиновыми волосами, в длинном, серебристом платье, — в нем ее высокое тело изгибается так, точно оно без костей. Вся она, так же, как и ее серебристая сумочка, женственно пахнет пудрой.

Вот уже густо синее жаркий южный вечер. Уже готова к обеду матово освещенная столовая. И долго идет этот не в меру изысканный обед дурного тона под струнную музыку, в тесноте того нарядного люда, что так зоологически идет на пляж утром в разноцветных халатах, из-под которых мелькают грубые, волосатые ноги мужчин и нежные, круглые женщины.

С час посидев за кофе после обеда в холле, они не спеша выходят на террасу, на теплую лунную ночь. Он докуривает сигару, она, захватив левой рукой

10 «Отель с пальмами и пляжем» <название отеля>. Аристократия из Франции и других стран, исключительное местоположение, несравненные виды, идеальный отдых зимой и летом, 300 комнат, комфорт по последнему слову, знаменитая кухня, обширный парк, теннис, два гаража, открыт круглый год... (*фр.*)

длинный подол, еще раз взглядывает, приподняв брови, в синее от лунного света зеркальце в сумочке, потом, щелкнув ею, говорит, вздыхая:

— Mon Dieu, quelle beauté!¹¹

Кипарисовая аллея под террасой высока, черна, неподвижна, в ее коридоре бархатно-темно, только кое-где блещут зелеными змеиными глазами пятна лунного света. Лунное море золотой выпуклостью лежит вдали, за чернотой кипарисовых вершин. Полная теплая луна спокойно стоит над пальмами влево — в той стороне, где всегда по ночам роятся розовые огни Бордигеры. Он берет под локоть ее обнаженную руку, чувствуя холодок и персиковую нежность ее тела, осторожно сводит ее с террасы в аллею. В дальнем конце ее сумрачного и теплого коридора, упирающегося в море, таинственно, зеркально сияет полоса золотой воды. Всюду тишина, нигде ни души — все в холлях отелей, в барах, в казино... Они молча, под руку доходят до конца аллеи — теперь эта блестящая, чуть переливающаяся золотом вода в десяти шагах от них, лежит плоско и низко. По сторонам сказочная пестрота света и тени под черными врозь раскинутыми султанами пальм. У скамьи в конце аллеи они останавливаются. Он кончиками двух сухих пальцев аккуратно сжимает щипчики пенснэ, кладет его в наружный карманчик смокинга и, щурясь, смотрит невидящими глазами. Она с томным вздохом поднимает руки, кладет ему на плечи и, наслаждаясь изяществом своего любовного счастья, проводит по его губам бархатистой нежностью щеки, потом притворно-страстно впиивается в них и дает ему влажный и холодный кончик языка...¹²

<1944, 1946—1947>

Источники текста: 1) ЧА (РАЛ. MS 1066/255). В конце авторская дата: 10.I.44; 2) МАП (РАЛ. MS 1066/256). Последний лист (после машинописного текста) дописан от руки. Машинописный текст МАП печатался не по ЧА. Вероятно, между ЧА и МАП сделана еще одна — несохранившаяся — правка; 3) М (РАЛ. MS 1066/257). Второй экземпляр машинописи МАП (без правки).

Печатается по МАП.

Датировка чернового автографа, по-видимому, отражает время его создания. Создание окончательного варианта следует датировать 1946—1947 гг. (по отсутствию правки шариковой ручкой).

Опубликовано Л.Ф. Зуровым (Новый журнал. 1962. № 68. С. 5—7) по МАП с неточностями и опечатками. Перепечатано в СССР в Т. 84 ЛН (в этой публикации по указанию Зурова две опечатки исправлены).

Лита

На скамье на берегу дачного озера, бледной лунной ночью, — все небо в легкой белой зыби и оттого кажется, вместе с луной, близким.

11 Боже, какая красота! (фр.).

12 *Далее было*: Он своей сухой рукой с золотым перстнем отстегивает под жилетом шелковые подтяжки, садится на скамью. Она, откидывая назад голову, закрыв глаза, высоко поднимает подол, раскорячивает туго обтянутые выше колен шелковыми чулками ноги в серебряных туфельках, толчками задышав сквозь ноздри... (МАП; *вычеркнуто*).

— Вот, Лита... Да нет, вас действительно Литой зовут? Все никак не привыкну...

— Вы рискуете мне надоест. Вы это уже спрашивали. Скажите лучше, что вы хотели сказать.

— Простите, больше не буду. Я хотел сказать о русалках: может быть, они в самом деле существуют? Представьте себе: вдруг неслышно подплывает она к берегу, ложится в воде в двух шагах от нас — и смотрит. Глаза страшные, пристальные. Тело белое, великолепное.

— Во-первых, вы говорите глупости: тело у русалок вовсе не белое, а лунное. А во-вторых — все одно, все одно у вас на уме!

— Неправда, на уме только вы одна. Как-то сразу вы меня поразили...

— Поразила не поразила, но неужели вы не понимаете, что этого никогда не будет?

— Чего?

— Того, о чем вы мечтаете. Я только помучить люблю. Вы знаете, есть такие. Так вот я из таких.

— Да, да! Вы из таких. И сколько вас таких!

— Немало. И посмотреть на русалку — это удовольствие я могу вам доставить.

— Я вас не понимаю.

— Отойдите немного и не оборачивайтесь. Когда крикну, можете смотреть.

— Нет, ради Бога не надо!

— А я хочу. Извольте встать и отвернуться. Видите, я уже разуваюсь.

— Я вас задую, изнасилую! Как только увижу голую ногу...

— Не запугаете! Ну, раз, два, три... Встаньте, отвернитесь и стойте так, пока не крикну. Ах, вы стыдливо закрыли лицо ручками? Хорошо, можно и так...

И через минуту плеск воды и веселый голос:

— Алло, алло! Я уже русалка, лежу именно так, как вам хотелось, с дикими глазами, и знаю, что вы все-таки сквозь пальцы меня видите...

Выбежав из воды, села на скамью, вся холодная и мокрая, и, наклоняясь к нему, ровно и вполголоса:

— Поцелуйте мне груди. Больше все равно ничего не будет.

23.IX.43

<Конец 1940-х — начало 1950-х гг.>

Источники текста: 1) ЧА. В конце дата: 23.IX.43 (РАЛ. MS 1066/162); 2) АМ-1 с двумя случаями правки: синей шариковой ручкой и цветным карандашом. Создана на основе ЧА. Дата в конце 23.IX.43 поставлена синей шариковой ручкой (РАЛ. MS 1066/163); 3) АМ-2 с двумя слоями правки: синей шариковой ручкой (тот же случай, что в АМ-1) и красной шариковой ручкой. Дата в конце 23.IX.43 поставлена синей шариковой ручкой. Изначально — второй экземпляр АМ-1. Однако в дальнейшем подвергнута более существенной правке. Наиболее поздняя версия текста (РАЛ. MS 1066/164).

Печатается по АМ-2.

Авторская датировка, по-видимому, относится ко времени создания ЧА (впрочем, и в этом можно усомниться, так как дата на автографе поставлена не теми же чернилами, а красным карандашом, который более в рукописи не использован).

Создание окончательного текста датируется примерно по факту использования шариковой ручки: конец 1940-х — начало 1950-х гг.

Опубликовано Л.Ф. Зуровым (Новый журнал. 1964. Кн. 77. С. 41—42) по АМ-1. Перепечатано в СССР в Бунин-1988.

Новая шубка

Париж в снегу, серый день, бледный от снега, и Париж весь бледный и просторный. Свежий воздух, ясно слышны запахи — автомобильного бензина, каменного угля.

Шли вниз по Елисейским Полям.

Он с удовольствием потрагивал уши под котелком:

— Даже уши слегка пощипывает! Как в Петербурге... Чудесно пройдемся, нагуляем аппетит.

Она вздергивает плечиком:

— Не понимаю, что тут чудесного. Вот я поскользнусь на этом милом снегу и сломаю ногу. А ты не подумал взять такси.

— Но ты же говорила, что хочешь пройтись. А за всем тем, кто мешает взять?

— Теперь уж ни к чему.

Он усмехнулся:

— Ты капризничаешь. И я прекрасно знаю почему.

— Почему это?

Но она и сама знает почему: нынче на ней все новенькое — шубка, опушенная белым мехом, такая же шляпка, руки спрятаны в белую меховую муфточку. Она маленькая и знает, что многим мужчинам это очень нравится. А нынче она особенно похожа на хорошенькую капризную девочку.

— Но куда же мы все-таки идем? — говорит он. — Ужасно хочется почему-то мулей... Что ты думаешь насчет Прюнье?

— Я еще не хочу умирать. Сколько уж знакомых отравились твоими мулями!

— Во-первых, почему моими? А во-вторых, ты с таким удовольствием и без всяких мыслей о смерти ела их позавчера.

— Я хочу в венгерский ресторан.

— Вот тебе на! Почему-то в венгерский! Поедем туда лучше обедать. За обедом там, кажется, играет цыганский оркестр.

— А я хочу там завтракать. Тебе отлично известно, что я терпеть не могу цыганщины.

— С каких это пор? Ну хорошо, хорошо, не сердись... Taxi, rue de Surène!¹³

В венгерском ресторане опять стала делать вид, что сердится. Там было пусто, сумрачно, неизвестно было, что заказать. Долго читала меню:

— Cochon de lait rôti...

— Chevreuil aux aïrelles...¹⁴

— Что такое aïrelles?

13 Такси, улица Сюрен! (фр.).

14 Жареный поросенок... / Косуля с брусничным соусом... (фр.).

- Это... Как его?
— Что «как его»?
— Ах, да черника! Или брусника...
— Я не знаю, что такое черника. Должно быть, гадость какая-нибудь. *Carre au lard grillé, fogas du lac Balaton...*¹⁵ Что такое fogas?
— Понятия не имею.
— Вечно ничего не знаешь! И чему ты смеешься?
— Милый друг, но я же не венгерец. Откуда мне знать?
— Ну и молчи, если не знаешь... *Nouilles au fromage...*¹⁶ *Salade au sucre...*¹⁷
И все с паприкой?
— Не знаю, милая... Не все, конечно, но...
— То есть ты думаешь, что и салат au sucre может быть с паприкой?
— Ах, Бог мой! Гениальный человек Вертинский! «Из-за маленькой, злой и хорошенькой женщины погибаю в шести зеркалах...»
— Не смей повторять эти дурацкие стишки! И там сказано ограниченной, а не хорошенькой.
— Ну, а я хочу говорить хорошенькой... И знаешь что? Переберемся все-таки к Прюнье, благо близко. Там и народу хоть отбавляй, чтобы полюбоваться твоей шубкой, и что-нибудь выбрать гораздо легче...
Усмехаясь, берет муфточку и встает:
— Ты очень глупый. Ну, идем...
Гарсоны переглядываются, выпячивая нижние губы.

<1944 — начало 1950-х гг.>

Источники текста: 1) ЧА. На последнем листе авторская дата: 2.5.44 (РАЛ. MS 1066/208); 2) АМ-1, черные чернила и (незначительно) синяя шариковая ручка. Учитывает правку, сделанную в ЧА (РАЛ. MS 1066/209); 3) АМ-2, шариковая ручка. Машинопись — второй экземпляр машинописи АМ-1. На обороте второго листа рукой Бунина записано шариковой ручкой: «1906 г. Страна дрожала от нетерпения и нетерпимости» (РАЛ. MS 1066/210). Правка в АМ-1 и АМ-2 почти идентична. Одно отличие: в АМ-2 одна из реплик героини полнее, звучит логичнее в диалоге.

Печатается по АМ-2 (наиболее поздняя версия — по обширному использованию шариковой ручки).

Датировка чернового автографа по авторской дате: 1944 г. Окончательная редакция может быть датирована концом 1940-х — началом 1950-х гг. (правка шариковой ручкой).

Опубликовано М.Э. Грин (Новый журнал. 1981. Кн. 142. С. 6—8) по АМ-1 с опечатками. Перепечатано в СССР в Бунин-1988.

15 Карп с грудинкой, окунь с озера Балатон... (*фр.*). «Fogas» — необычное для француза слово. «Le fogas du lac Balaton» (среди перечисления венгерских рыб) упоминается, например, во французском переводе сочинения М. де Швартнера «Статистика королевства Венгрия» (1809, пер. 1813).

16 Макароны с сыром... (*фр.*).

17 Правильно: *Salade sucré* — сладкий салат (*фр.*).

Далекий пожар

Их первое лето вместе. Степной хутор. Поздно после ужина сидят в темноте на ступеньках крыльца. Темный дом, темная, теплая ночь конца лета. И далекий пожар за темной степью, на далеком краю ее черноты: невысокая, неровная¹⁸ гряда красного пламени. Горит уже давно, однообразно. Иногда видно, как по светлеющему¹⁹ пламени проходят тени дыма. Усыпляющий звон ночных степных насекомых, покой земли, неба — и спокойная грусть непонятности всего.

[Концовка в редакции 1:]

Он пристально глядит на пожар, обняв ее плечо:

— Ты меня любишь?

Она глядит туда же:

— Люблю, милый. И все пройдет, все пройдет!

— Что пройдет?

— Все. Эта ночь и вся наша коротенькая жизнь. Все, все...

[Концовка в редакции 2:]

Он пристально глядит в даль, на пожар на горизонте, обняв ее молодое плечо:

— Ты меня еще любишь?

Она, глядя туда же:

— Люблю, милый. И все пройдет! Все пройдет: и моя любовь, и этот далекий пожар, и эта прекрасная и оттого такая печальная ночь.

4.5.44

<Конец 1940-х — начало 1950-х гг.>

Источники текста: 1) ЧА (РАЛ. MS 1066/98). Два слоя более поздней правки: красные чернила и синяя шариковая ручка. Текст чернилами написан предположительно в 1944 г. Правка выполнена в конце 1940-х — начале 1950-х гг.; 2) АМ-1, создана на основе ЧА (РАЛ. MS 1066/99); 3) АМ-2 (РАЛ. MS 1066/100). Второй экземпляр АМ-1. Правка идентична; 4) М — машинопись, созданная на основе АМ-1 (РАЛ. MS 1066/101). Окончательный вариант редакции 1 (добавлено два эпитета, отсутствующие в АМ-1); 5) АМ-3, создана на основе ЧА (РАЛ. MS 1066/102). Два слоя правки: шариковой ручкой (исправлена опечатка в середине рассказа) и красными чернилами (исправлены знаки препинания в финале рассказа). Автор вернулся к ЧА и, исправив его, создал редакцию 2; 6) АМ-4 (РАЛ. MS 1066/103). Второй экземпляр АМ-3 с идентичной правкой и одним вычеркнутым красными чернилами эпитетом.

Авторская датировка «4.5.44» (в ЧА добавлено: «Поздний вечер») относится к дате создания ЧА. Обе окончательные редакции могут быть датированы концом 1940-х — началом 1950-х гг. (правка шариковой ручкой).

Редакция 1 печатается по М; редакция 2 — по АМ-3.

Опубликовано М.Э. Грин (Новый журнал. 1981. Кн. 142. С. 8) по АМ-3 (вторая редакция). Перепечатано в СССР в Бунин-1988.

18 В редакции 2 (АМ-3): зубчатая.

19 В редакции 2 (АМ-3) светлеющему отсутствует.

Письма

Бросила, он сходит с ума, каждый день пишет ей письма, полные и угроз, и оскорблений, и унижительных нежностей, просьб вернуться, вспомнить «незабвенное прошлое»... Она дает эти письма своему новому любовнику — он, после развратной ночи с ней, пьет кофе, жрет круассаны с маслом и, потешаясь, вслух читает. Молод, но по утрам припухшее лицо, нездоровый блеск глаз; размыт в ванне, черно блестят мокрые, стянутые сеткой волосы, не в меру цветистая пижама, голые ноги, их противное тело в лакированных туфлях без задка. У нее рукава матинэ так широки, что, когда она наливает кофе, до плеча открывается толстая, как ляжка, рука, видна гладкая подмышка. Слушая чтение, рассеянно усмехается.

— Гренков хочешь? Еще горячие.

— Да, да. «И вот, во имя нашего прошлого, нашей былой любви...» Ты знаешь, он все это откуда-нибудь списывает.

— Вероятно. Из каких-нибудь романов...

Голая подмышка его волнует. Встает, подходит к ней сзади, поднимает ее лицо, впивается в жирные губы. Она закатывает глаза, толчками дышит в ноздри.

15.10.44

<Конец 1940-х — начало 1950-х гг.>

Источники текста: 1) АМ-1. Правка черными чернилами и синей шариковой ручкой. Внизу нечитаемая машинописная дата заменена чернилами на 15.10.44 (РАЛ. MS 1066/233); 2) АМ-2, учитывает правку в АМ-1 (РАЛ. MS 1066/234); 3) АМ-3, вторая копия АМ-1. Исправление, сделанное в АМ-1, не учтено, сделано другое исправление синей шариковой ручкой. Внизу шариковой ручкой дата: 15.10.44 (РАЛ. MS 1066/235).

АМ-2 и АМ-3 представляются параллельными окончательными редакциями (отличия незначительны). Печатается по АМ-3 (по наличию авторской даты).

Датируется примерно: 1944 (15 октября 1944 г. — возникновение замысла или дата завершения несохранившейся рукописной первой редакции) — начало 1950-х гг. (по факту использования шариковой ручки).

Опубликовано Ю.В. Мальцевым (Новый журнал. 1987. Кн. 168—169. С. 76) по АМ-3 (в двух случаях изменены авторские знаки препинания).

Модест

Южный сентябрь, на солнце жарко, сухо, везде все блестит. На окраине города конная ярмарка. Он богатый лошажник, рыжий, щуплый, в чесучовом пиджаке, в черных штанах и высоких сапогах, в белом картузе, с золотым перстнем на указательном пальце. Он целый день на ярмарке. А в городе, в номере гостиницы с прикрытыми сквозными ставнями, в душном полусвете, лежит на диване, в одной розовой сорочке, его содержанка, крупная, полная, сдувает с потной верхней губы мух и белыми руками выбирает из воды в тарелке и ест крупный, размокший изюм. Лицо девки широкоскулое, курносое, нежное,

тело чудесного животного, руки и ступни прекрасные, с удлинёнными пальцами, с тонкой блестящей кожей.

У него странное для лошадника имя — Модест. Сиплый, ласковый голос и необыкновенная деликатность. В седьмом часу вечера осторожный стук в дверь.

— Модест, ты?

— Я, Маньичка. Можно?

И входит потный, похудевший, вытирая платком веснушчатое лицо и весело говоря:

— Это же, ей-Богу, кошмар! Там такая жара, пыль и такие жиды! Сплошная наглость! Ну, добрый вечер, голубка, живенько вставай и одевайся. Предлагаю немножко покутить в «Тиволи». Что ты на это скажешь, золотко? Надеюсь, довольна?

И с хитрым смешком треплет по розовой сорочке на ляжке.

16.10.1944

<Конец 1940-х — начало 1950-х гг.>

Источники текста: 1) АМ-1, правка черными и зелеными чернилами, шариковой ручкой. Под текстом машинописная дата: 16.10.44 (РАЛ. MS 1066/177); 2) АМ-2, небольшая правка шариковой ручкой. Учитывает правку в АМ-1. На полях, рядом с исправленным именем «Маньичка», рукой Бунина красными чернилами: «Так и надо: Маньичка». Под текстом дата шариковой ручкой: 16.10.44 (РАЛ. MS 1066/178); 3) АМ-3, второй экземпляр АМ-2 с идентичной правкой, но без приписки на полях. Под текстом дата шариковой ручкой: 16.10.44 (РАЛ. MS 1066/179).

Датируется примерно: 1944 (16 октября 1944 г. — возникновение замысла или дата завершения несохранившейся рукописной первой редакции) — начало 1950-х гг. (по факту использования шариковой ручки).

Печатается по АМ-2.

Опубликовано Л.Ф. Зуровым (Новый журнал. 1962. Кн. 67. С. 5—6) по АМ-2 с ошибкой. Перепечатано в СССР в Т. 84 ЛН.

Кибитка

Усадьба при большой дороге, на краю деревни.

Гимназист стоит возле каменной ограды. От кибитки, отпряженной возле овсов за дорогой, идет с ребенком на руках босая цыганка.

— Барин мой серебряный, дай моему голопузенькому!

Ребенок и правда голопузый, в драной рубашонке, серьезный, мордастый, черный, курчавый; очень тяжел — держа его под ноги, вся перегнулась назад. И на самой лохмотья: истлевшая ситцевая юбка, на плечах выцветшая желтая шаль; выгоревшие от солнца волосы спутаны, на сухой коричневой шее ожерелье из каких-то оранжевых шариков; шаль сползает с правого плеча — виден изгиб коричневой от загара старой ключицы; но зубы в оскале сизых губ молодые, блестящие... Дал двугривенный в толстую слюнявую ручку ребенка, тотчас крепко сжавшуюся. Усмехнулась:

— А мне? Дай синенькую — дело сделаем.

Заломило низ от страшного и сладкого представления, пробормотал, краснея:

— Дам... Приходи, как стемнеет, в сад, перелезь через ограду вот в те липки...

— Приду, приду, жди меня крепко!

После ужина, украв из отцовского письменного стола пятирублевую бумажку, долго ходил понапрасну в темноте под липками. Наконец вышел на дорогу: возле кибитки жарким костром трещит сухая полынь, она одна сидит возле костра. Перешел через дорогу, подошел с бьющимся сердцем:

— Ты одна?

— Как есть одна.

— А где ж твой цыган?

— Ушел на деревню кур воровать.

— Нет, серьезно?

— Ушел, ушел, правда. Давай деньги, пойдем за кибитку.

— Почему ж ты не пришла?

— Боялась. Знала, что сам придешь. Давай деньги, пойдем скорей, получишь свое удовольствие...

В темноте за кибиткой, спрятав бумажку за пазуху, схватила его ледяную руку²⁰ и таинственно зашептала:

— Пощупай, пощупай²¹. А завтра приходи опять, принеси еще бумажку, тогда совсем дело сделаем... Нет, нет, сейчас нельзя! Пусти, а то на все поле закричу! Цыган услышит, он тут в ваших овсах лошадь кормит!

16.10.1944

<Конец 1940-х — начало 1950-х гг.>

Источники текста: 1) ЧА (РАЛ. MS 1066/130); 2) АМ-1, правка черными чернилами и синей шариковой ручкой (РАЛ. MS 1066/131); 3) АМ-2, вторая копия АМ-1, идентичная правка черными чернилами, одно исправление голубыми чернилами, а также синей шариковой ручкой (РАЛ. MS 1066/132).

Печатается по АМ-1.

Под ЧА, АМ-1 и АМ-2 стоит одна и та же дата: 16.10.1944 — вероятно, время создания ЧА. Окончательная редакция может быть датирована концом 1940-х — началом 1950-х гг. (правка шариковой ручкой).

Опубликовано Ю.В. Мальцевым (Новый журнал. 1987. № 168—169. С. 77—78) по АМ-1 или АМ-2.

Аля

В далеком уездном городе, в далекой ранней молодости...

Приезжал из деревни брать книги в городской библиотеке — там и встретил в первый раз, вышли вместе, разговорились, — оказалось, что нагово-

20 *Вместо:* схватила его ледяную руку — *было:* а) подняла подол одной рукой, другой взяла его руку (ЧА); б) подняла подол одной рукой, другой схватила его ледяную руку (АМ-1, зачеркнуто карандашом).

21 *Вместо:* Пощупай, пощупай — *было:* а) Щупай, щупай (ЧА, АМ-1, АМ-2); б) Щупай, щупай меня (АМ-2); в) Попробуй, попробуй (ЧА, АМ-1 исправлено синими чернилами, АМ-2 исправлено синими чернилами).

риться по дороге нельзя, зашли в пустой городской сад, сели на скамью в главной аллее и опять без конца расспрашивали друг друга:

— Вы не кончили гимназию? А я кончила только прогимназию, у папы нет средств продолжать мое образование, он машинист на товарных поездах... Я теперь читаю «В лесах и на горах», а вы? Я больше люблю Лермонтова, чем Пушкина, а вы? Так вы правда приедете на будущей неделе? Мне столько еще надо спросить вас! Меня зовут Аля. А вас?

Когда во второй раз сидели в саду, говорили уже мало. Все целовал ее руку, она все ниже клонила голову.

Приехав накануне новой встречи вечером, остановился, как всегда, на постоялом дворе, пил чай в жалком номере, при одной темной свечке, и заснул под шум дождя, думая: нет, завтра Бог даст теплое милое утро, солнце... будут легкие тени на сырых дорожках сада, и я опять буду сидеть и ждать ее, и выступят на глаза слезы сладкой жалости и счастья, когда увижу, как она спешит ко мне в своей серенькой юбочке и голубой рубашечке...

Но утром она не пришла. Не пришла и на другой день. На вокзале узнал: машинист Ковальский переведен на Донецкую дорогу, а на какой именно участок будет назначен там, неизвестно.

16.10.1944

<Начало 1950-х гг.>

Источники текста: 1) ЧА. В конце рукописи дважды записана зачеркнутая авторская дата: 30.5.44, затем поставлена новая дата: 16.10.44 (РАЛ. MS 1066/74); 2) АМ-1, учитывает правку ЧА. Правый угол оторван, часть текста утрачена. Внизу машинописная дата: 16.10.44 (РАЛ. MS 1066/77); 3) АМ-2, учитывает правку АМ-1 (РАЛ. MS 1066/78); 4) АМ-3, второй экземпляр АМ-2, правка идентична (РАЛ. MS 1066/79); 5) АМ-4, учитывает правку в АМ-2 и АМ-3. На полях простым карандашом написано: «Дубликат» (РАЛ. MS 1066/80).

История текста и датировка: на основе ЧА (октябрь 1944 г.) создана АМ-1 (около 1949 г. — датируется по использованию химического карандаша). Следующая, чуть более сокращенная редакция создана в начале 1950-х гг. (датируется по использованию шариковой ручки), она представлена в АМ-2 и АМ-3. В АМ-4 сделано еще одно исправление.

Печатается по АМ-4 — в последней авторской редакции.

Опубликовано В.Н. Буниной (Новый журнал. 1959. Кн. 57. С. 13) по АМ-1, а также Л.Ф. Зуровым (Новый журнал. 1962. Кн. 69. С. 15—16) по АМ-2 и АМ-3. Перепечатано в СССР в Т. 84 ЛН по публикации 1962 г.

Ахмат

[Вариант 1:]

В жаркий, пыльный день, на выгоне рядом с уездным городом, праздничный и торговый кавардак многолюдной ярмарки. Под отпряженной телегой, на краю канавы, что идет вдоль дороги к городу, сидит, расставив колени от круглого, тугого живота, молодая баба на сносях. На лбу коричневые смаги. Губы

синие, припухшие. На лице та особенная, нежная, непорочная миловидность, что бывает у беременных, — лицо как в жару, глаза светят тихим, святым блеском. И огромный, крепкий купец лет за семьдесят, с черными бровями и глазами, с белоснежной бородой, в синей чуйке и синем большом картузе, говорит своему молодцу, проходя мимо нее:

— В зрелые года был я великий злодей в сих случаях: самая моя лютая страсть была к беременным. Никаких денег не жалел на них. Грех и вспоминать! А вот опять вспомнил, заметя эту бабу, да еще в какой день! Ведь нынче Сретение Пресвятыя Богородицы Владимирской ради избавления Москвы от Ахмата, царя Ордынского, и как раз день моего Ангела, великомученика Артемия. Вот, верно, и я вроде этого Ахмата окаянного.

— Господи, Боже мой, что вы на себя накликаете! — восклицает молодец подобострастно. — Даже слушать страшно. Нашли с кем себя сравнивать!

— Сравнишь, брат! Поневоле сравнишь! Истинно Ахмат! Я бы и теперь не пожалел на нее четвертного!

18.4.46

[Вариант 2:]

Ветреный, пыльный день, на выгоне при въезде в город праздничный и торговый шум многолюдной ярмарки. Много отпряженных телег вдоль дороги, ведущей к городу, возле одной из них сидит на опрокинутом ведре, расставив колени от круглого, тугого живота, молодая баба на сносях. На лбу коричневые пятна, смаги. Синие припухшие губы. На лице эта особенная, нежная, непорочная миловидность беременных, — лицо как в жару, глаза светят тихим, святым блеском. И огромный, крепкий купец лет семидесяти, с черными бровями и глазами, с белоснежной бородой, в синей поддевке и синем большом картузе, говорит своему молодцу, приказчику, проходя мимо нее по дороге:

— Вот в зрелые года был я великий злодей в сих случаях: видеть спокойно не мог подобного! Самая моя лютая страсть была именно к беременным! Никаких денег не жалел на них. Грех и вспоминать. А вот опять вспомнил и опять с вожделением, заметя эту бабу, да еще в какой день! Ведь нынче Сретение Пресвятыя Богородицы Владимирской ради избавления Москвы от Ахмата царя Ордынского и как раз день моего Ангела, великомученика Артемия. Вот, верно, и я вроде этого Ахмата окаянного.

— Господи, Боже мой, что вы на себя накликаете! — восклицает молодец подобострастно. — Даже слушать страшно. Нашли с кем себя сравнить!

— Сравнишь, брат! Поневоле сравнишь! Истинно Ахмат! Я бы и теперь не пожалел на нее четвертного!

18.4.46

<Конец 1940-х — начало 1950-х гг.>

Источники текста: 1) ЧА. В конце авторская дата: 18.4.44 (РАЛ. MS 1066/69); 2) МАП, создана по окончательной версии ЧА. Правка (выполнена в разное время) черными чернилами, красными чернилами, синей шариковой ручкой и простым карандашом. Дата изменена шариковой ручкой: 18.4.44 исправлено на 18.4.46 (РАЛ. MS 1066/70); 3) АМ-1, создана на основе окончательной версии МАП. Незначи-

тельная правка синей шариковой ручкой. Дата шариковой ручкой: 18.4.46 (РАЛ. MS 1066/71); 4) АМ-2. Незначительная правка синей шариковой ручкой. В конце дата шариковой ручкой: 18.4.1946 (РАЛ. MS 1066/72). АМ-2 отражает параллельный процесс правки текста, не совпадающий с движением текста от ЧА к АМ-1; 5) М, второй экземпляр АМ-2, без исправлений и даты (РАЛ. MS 1066/73).

Определение последнего варианта текста невозможно. АМ-1 и АМ-2 созданы примерно в одно и то же время. История текста такова: первая линия ЧА — МАП — АМ-1; вторая линия ЧА — [не сохранившаяся МАП] — АМ-2.

Печатаются оба варианта: по АМ-1 (вариант 1) и АМ-2 (вариант 2).

Опубликовано М.Э. Грин (Новый журнал. 1981. Кн. 142. С. 5—6) по АМ-2. Перепечатано в СССР в Бунин-1988.

Черновой автограф датируется по авторской дате: 1944 г. Обе окончательные редакции могут быть датированы примерно концом 1940-х — началом 1950-х гг. (по использованию шариковой ручки).

Десятого сентября

Почти все дачи были уже пусты, шло начало сентября, на сад, на желтые клены то и дело шумно сыпал крупный дождь, все сквозь солнце и быстро стихавший. Отец и мать говорили, что пора возвращаться в Москву, — она отвечала холодно и небрежно:

— Ступайте хоть завтра. Я раньше десятого не поеду.

По целым дням она лежала на диванчике в комнате рядом с гостиной, с шалью на плечах, с книгой в руке, то бессознательно читая, то упорно глядя своими красивыми коровьими глазами на желтизну сада за окнами. Мягкая коса заплетена кое-как, слегка опухшее лицо бледно. Дни в молчаливом доме, где жили только отец, мать, старая нянька и молодой лакей, шли медленно, однообразно и так же медленно и однообразно шли в ней все одни и те же чувства, мысли, воспоминания — о том постыдном, что случилось с ней летом и что казалось ей самым значительным в мире. Порой она мрачно-насмешливо ухмылялась, подбирала ноги, одергивала подол: да, если бы кто знал, глядя на эту серую юбку, то, чего вот-вот уже не скроешь!

Масальский каждый день заходил часа в четыре. Вот слышно, как он бодро говорит в лакейской:

— Здравствуйте, Сергей. Дома?

— Князь и княгиня только что вышли на прогулку.

— А княжна?

— Дома-с.

Потом шаги в гостиной и притворно простой голос:

— Княжна, можно к вам?

Ей казалось, что он знает дачные сплетни о ней, то, что она брошена, обманута и даже то, что недаром решила не возвращаться в Москву до десятого сентября: догадывается, что она назначила на этот день последнее ожидание ответа на все ее безответные письма в лагерь под Петербургом и в Петербург. Но приход Масальского все-таки доставлял удовольствие, — он давно был тайно влюблен в нее, был с ней неловко весел, над ним можно было издеваться, и она медленно отзывалась:

— Милости просим.

Он весело входил:

— Здравствуйте, княжна. Чудная погода, а вы все с книжками!

Она презрительно пожимала плечом:

— А вы всегда с одними и теми же фразами. И не вижу ничего чудесного в том, что льет с утра до вечера.

— Да ведь льет с антрактами, — грибной дождь, как говорит ваша нянюшка... И очень хорошо, что вы не уезжаете.

— И совсем нехорошо, что вы тоже не уезжаете. Почему, позвольте спросить?

Он сел на кресло возле диванчика, глядел на ее поджатые ноги, — подозрительно, как ей казалось, — и шутя повторял ее слова:

— Я раньше десятого не поеду.

— Не остроумно, — брезгливо говорила она.

Раз он сказал (тоже с легкой усмешкой):

— Не помню, чьи это стихи: «Как идет к вам эта бледность, этих дней осенних бедность!»

Она подняла на него свои коровьи глаза и спокойно ответила:

— Как идет к вам ваша глупость! Прошу вас и даже требую: не соваться десятого со своими услугами при нашем отъезде.

Десятого он уехал в Москву утром. А перед вечером, когда старенький, маленький князь и рослая, большеликая княгиня, уже одетые, с зонтиками в руках, сидели в опустевшем доме, из которого выносили последнюю мебель, когда они покорно ждали выхода дочери, за домом кто-то вдруг радостно закричал что-то, потом с топотом пробежали мимо окон в сад мужики, нанятые везти мебель в Москву, а впереди них какой-то резвый босоногий мальчишка...

Из пруда за садом ее вытащили баграми только в сумерки, с трудом принесли в дом и положили, мокрую, ледяную, тяжелую, с синим лицом, на голом полу в пустой гостиной, темно освещенной чьей-то кухонной лампочкой.

Ночью шел уже ровный, затяжной осенний дождь.

<1951>

Источники текста: 1) АМ-1 (РАЛ. MS 1066/105) с правкой черными чернилами и шариковой ручкой. На последнем листе в конце текста шариковой ручкой проставлена дата: 28.8.1951; 2) АМ-2 (РАЛ. MS 1066/106). Машинопись учитывает правку АМ-1. Правка черными чернилами и шариковой ручкой. На последнем листе машинописная дата 28.8.1951 зачеркнута шариковой ручкой и чернилами написано: Москва, 1903 г. Ниже подпись: Ив. Бунин; 3) АМ-3 (РАЛ. MS 1066/107); Машинопись учитывает рукописную правку АМ-2. Минимальная правка черными чернилами. На последнем листе чернилами поставлена дата: Москва, 1903 г. Ниже подпись: Ив. Бунин.

Печатается по АМ-3.

Опубликовано В.Н. Буниной (Новый журнал. 1961. Кн. 64. С. 5—7) по АМ-3 с незначительными (редакторскими?) изменениями.

Условные обозначения

А — автограф

АМ — авторизованная машинопись

Бунин-1988 — *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1988.

ЛН — серия «Литературное наследство»

М — машинопись

МАП — машинопись с авторской правкой

РАЛ — Русский архив в Лидсе, Великобритания (за этой аббревиатурой следуют архивные шифры документов)

ЧА — черновой автограф

Подготовка текстов и комментарии

Е.Р. Пономарева